

ГЛАВА 5. ВОЙНЫ «ТРАДИЦИОННЫЕ»

«Труднее, чем вбить новую идею в разум военного человека, может быть лишь одно: заставить его выкинуть из головы старую идею»

Б. Лиддл-Гарт. «Мысли о войне» (1944)

Вооруженные силы США, как считают американские военные специалисты, в будущем могут столкнуться не только с «нетрадиционными» войнами, т.е. использованы для противодействия иррегулярным формированиям, партизанским и террористическим группировкам, организованным криминальным структурам и т.п., но и принять участие в «традиционных» войнах.

Под «традиционными» войнами в этом смысле подразумеваются военные действия различных видов и родов войск вооруженных сил США против регулярных вооруженных сил противника с применением обычных средств вооруженной борьбы или даже с использованием оружия массового поражения. Такая война будет вестись всем государством, с полным или частичным напряжением всех его сил и возможностей. Военные действия будут вестись на основе выработанных веками принципов «классического» военного искусства.

Именно к такому виду войн готовились вооруженные силы США в годы холодной войны, имея перед собой в качестве главного вероятного противника Советский Союз. С развалом СССР угроза этого типа войн, по мнению американских военных специалистов, значительно снизилась и в настоящее время не считается главной. Однако «традиционные» войны по-прежнему не исключаются, прежде всего против Китая или, в определенных условиях, против России.

«Малые войны» по-Сафрански

Американские авторы расходятся во мнениях, что будет представлять собой война против крупной региональной державы, обладающей многочисленными вооруженными силами, современными вооружениями и технологиями. Более того, изменение сущности войны в будущем чревато появлением новых форм и способов ее ведения. Так, доктор Грант Хэммонд из Военного колледжа ВВС США в статье, озаглавленной «Парадоксы войны»¹, предупреждает: «Представление о войне как о противоборстве, характеризуемом применением силы, - прискорбно неполная, трагически упрощенная и фундаментально порочная точка зрения... Будущая война

¹ Paradoxes of War// Joint Forces Quarterly, Spring 1994.

между индустриальными государствами, даже если она эффективна и результативна, может быть практически невидимой».

«Традиционные» войны, по мнению военных специалистов, могут вестись против «стран-изгоев», к которым в Вашингтоне относят некоторые государства и политические режимы явно антиамериканского характера. К ним, в частности, причисляют КНДР и Ирак. Примером войны такого типа считается война в Персидском заливе 1990-1991 гг.

Одну из главных опасностей в войнах со «странами-изгоями» представляет оружие массового поражения и ракетные средства их доставки, которыми обладают последние. Обеспокоенность этим, в частности, послужила главным аргументом и поводом для реализации планов Вашингтона по созданию национальной (континентальной) системы ПРО.

Для ведения «традиционных» войн, как отмечают американские авторы, вооруженные силы США должны и в будущем располагать значительными контингентами сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Победа в войнах этого типа, по мнению военных специалистов, может быть обеспечена только за счет абсолютного военно-технического превосходства США. Упор делается на техническое оснащение войск современнейшими системами разведки, управления, и поражения, которые должны на несколько порядков превосходить вооружения и военную технику потенциальных противников. Ставка на обеспечение военно-технического превосходства США обусловила появление новых теорий и принципов ведения военных действий в ходе «традиционных» войн.

«Размышляя о малых войнах» - так называлась статья полковника ВВС США Ричарда Сафрански, опубликованная в журнале «Parameters» в сентябре 1990 года². По мнению этого авторитетного военного специалиста, «малые войны, независимо от их генезиса, представляют собой войны, которые ведутся против вооруженных сил более слабой страны или в интересах более мощной державы. Эти войны ведутся и будут вестись в тех регионах, где мы ощущаем угрозу нашей безопасности или нашим интересам».

Другими словами, под «малыми войнами» автор понимает ограниченные в пространственно-временном отношении вооруженные конфликты с ограниченными политическими и военными целями³. Такие конфликты могут и будут вестись только за пределами США, но с использованием вооруженных сил США. Полковник Р. Сафрански в своем анализе упоминает три региона, где, по его мнению, возможно возникновение «малой войны»: Карибский бассейн, Ближний и Средний Восток и тихоокеанское побережье.

Многие страны «третьего мира» сегодня «вооружены до зубов». Они имеют самые современные системы вооружений, а некоторые из них даже обладают оружием массового поражения и системами его доставки. Более

² R. Szafranski. Thinking About Small Wars// Parameters, September 1990.

³ В отличие от интерпретации Р. Сафрански, другие американские военные эксперты вкладывают в термин «малая война» принятый и в России смысл – военные действия регулярных войск с иррегулярными формированиями.

того, вооруженные силы стран «третьего мира» имеют хорошо подготовленные командные кадры, прошедшие обучение и подготовку в лучших военно-учебных заведениях Запада, Азии, США или бывшего Советского Союза. Несомненно, личный состав вооруженных сил стран «третьего мира» не может идти ни в какое сравнение с американскими военными профессионалами по уровню боевой и специальной подготовки. И все же не все здесь так просто. Военнослужащие армий развивающихся государств могут иметь более высокий моральный дух, они отлично знают условия местности, имеют поддержку местного населения, обладают своим специфическим опытом ведения боевых действий с использованием тактики партизанской войны.

В ходе интервенций в регионы «третьего мира» вооруженные силы США могут встретиться со множеством трудностей, которые, в частности, будут обусловлены крайне слабым развитием инфраструктуры, прежде всего отсутствием взлетно-посадочных полос для авиации.

Для ведения «малых войн», по мнению Р. Сафрански, необходимо соответствующим образом готовить вооруженные силы США. С одной стороны, вооруженные силы должны быть всесторонне готовы к ведению боевых действий. С другой стороны, наиболее боеготовые части и подразделения могут быть наименее подготовленными к ведению полицейских операций и других небоевых действий. Именно поэтому для ведения «малых войн» необходимы высокомобильные, многофункциональные вооруженные силы, способные действовать решительно и быстро, днем и ночью, против регулярных и иррегулярных сил противника в отрыве от своих главных сил и баз снабжения.

В заключение своего анализа Р. Сафрански дает серию рекомендаций политическому руководству государства, ответственному за принятие решений по использованию вооруженных сил за пределами США:

- Необходимо четко представлять желаемые политические результаты;
- Предвидеть возможные последствия еще до интервенции;
- Не совершать интервенции, не будучи физически и психологически подготовленным к ней;
- Необходимо стремиться к четкой структуре управления;
- Прежде всего, необходимо использовать элитные силы;
- Важно сразу планировать и осуществлять мощные, подавляющие удары;
- Помогать противнику выйти из игры достойно;
- Вести диалог с противником;
- Восстанавливать мир как можно быстрее.

В целом, по мнению американского военного специалиста, «малые войны» - это та угроза, с которой Соединенные Штаты наверняка встретятся в будущем, отстаивая свои интересы в сложных, взрывоопасных регионах мира. Неизбежная в этих случаях военная интервенция США будет иметь

различный масштаб и интенсивность, которые будут специфическими в каждом конкретном случае.

Концепция «стратегического паралича»

Одной из концепций «традиционных войн», появившихся и получивших свое развитие в 90-е годы XX века, стала концепция «стратегического паралича». Автором ее считается полковник ВВС США Дж. Уоррен, который был одним из «идеологов» воздушной кампании США против Ирака в 1990-1991 гг.

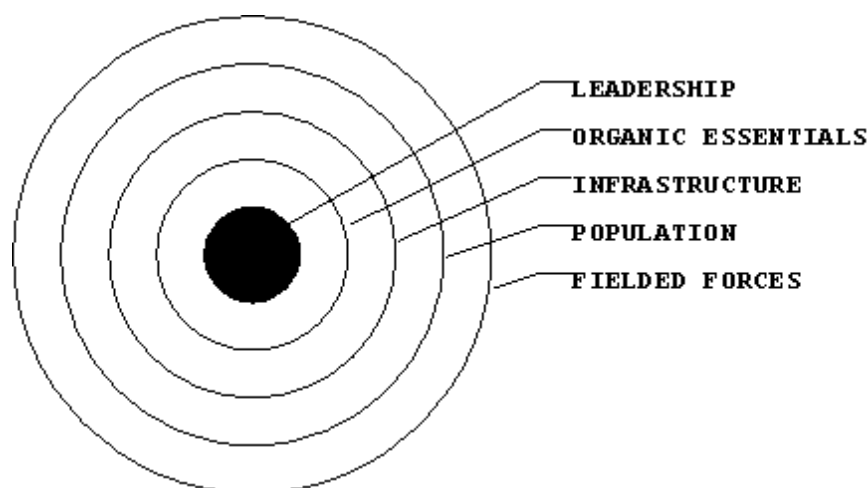
Дж. Уорден был не первым, кто пришел к выводу о стратегической важности воздушной мощи в современной войне. Подобные теории появились и имели своих горячих сторонников, в частности в лице британского военного теоретика Дж. Фуллера, еще в 30-40-е годы XX века. Однако Дж. Уорден стал одним из первых, кто акцентировал политическую, а не экономическую составляющую воздушной войны. В качестве основных стратегических целей поражения авиацией, по мнению Уордена, выступают не объекты экономики противника, а его политические структуры и объекты.

Результатом исследования американского офицера стала работа «Воздушная кампания», в которой он в систематизированном виде изложил свои представления о роли авиации в будущей войне.

Основная мысль Дж. Уордена заключалась в том, что «воздушная мощь обладает уникальной способностью достигать стратегических целей войны с максимальной эффективностью и минимальными затратами»⁴. В основу своих теоретических построений Уорден положил известный принцип Клаузевица о «центрах тяжести» противника. Американский полковник охарактеризовал «центры тяжести» как «пункт, в котором противник наиболее уязвим, а атака против него будет наиболее эффективна». При планировании и ведении военных операций выявление «центров тяжести» противника является чрезвычайно важным. Воздушная мощь, по мнению Уордена, позволяет поражать даже те «центры тяжести» противника, которые сухопутными силами просто не могут быть достигнуты.

Дж. Уорден подошел к анализу противника через призму системного подхода, в результате «центры тяжести» противника были помещены им в пяти элементах (сферах), которые выделялись автору в форме пяти концентрических колец.

⁴ D. S. Fadok. John Boyd and John Warden: Air Power Quest for Strategic Paralysis. A Thesis presented to the faculty of the School of Advanced Airpower Studies. Air University. Maxwell Air Force Base, Alabama, June 1994.



Пояснения:

Leadership - руководство

Organic Essentials – органическое существо (здесь: промышленно-энергетическая база страны)

Infrastructure – инфраструктура

Population – население

Fielded forces – группировка вооруженных сил

Наиболее уязвимое место противника – «центральное кольцо» - политическое и военное руководство страны. Следующим по важности «кольцом» является промышленно-энергетическая база страны, третьим «кольцом» - инфраструктура государства. Население государства представляется четвертым по важности элементом-«кольцом», при этом воздействие на него вовсе не предполагает его физического уничтожения, а скорее - деморализация, разложение населения, лишение его воли к ведению войны. Внешним, периферийным «кольцом» выступают вооруженные силы государства.

В случае нейтрализации любого «кольца», эффективное функционирование всей системы, именуемой противником, нарушается. При этом, в зависимости от того, какое именно «кольцо» выведено из строя, нарушение функционирования всей системы может быть серьезным или критическим.

В свою очередь, каждое «кольцо» рассматриваемой системы также представляет собой аналогичную пяти-структурную подсистему: в каждом из «колец» есть свое «подкольцо» руководства, базового производства и т.д.).

«Центрами тяжести» в системе противника выступают связи и взаимоотношения между «кольцами», равно как и отдельные элементы каждого «кольца».

Суть «модели пяти колец» заключается в том, что стратегический план кампании или войны должен быть нацелен, прежде всего, на уничтожение главных «центров тяжести» - руководящих структур государства. Если же, например, внутреннее кольцо (руководство страны) не выступает по тем или иным причинам в качестве объекта-цели поражения, то в качестве первоочередных «центров тяжести» выбираются соответствующие

руководящие структуры в других «кольцах» (экономика, инфраструктура, вооруженные силы и т.д.). С нейтрализацией или уничтожением центрального «кольца» наступает «полный паралич» всей системы, уничтожение или нейтрализация «центров тяжести» других «колец» приведет к «частичному параличу» системы.

Дж. Уорден, придавая первостепенное значение политическим аспектам войны, признавая правильность идеи Клаузевица о том, что «войны ведутся с политическими целями», пошел глубже. В его представлении война представляет собой поединок между политическими руководствами двух сторон. А тогда и целью военной акции является не уничтожение военной силы противника, а «манипуляция волей его политического руководства». И даже уничтожение военной силы противника должно рассматриваться как акция, направленное на морально-психологическое разоружение его политического руководства.

Сформулировав свое видение сути войны, Дж. Уорден выделяет три стратегии достижения целей в войне:

- стратегия накладных расходов (принуждения);
- стратегия паралича (выведения из строя);
- стратегия разрушения (уничтожения).

Суть стратегии накладных расходов заключается в том, чтобы создать условия, в которых продолжение сопротивления противником становится слишком дорогим. Для этого необходимо оценить «болевого порог» противника, основанный на его системе ценностей, а затем массированными, безжалостными ударами бить через этот «порог» по намеченным целям («центрам тяжести») посредством серии «параллельных» операций. Такая стратегия должна принудить политическое руководство противника принять американские условия окончания войны, привести к частичному или даже полному параличу всей государственно-политической и военной системы противника.

Стратегия паралича направлена на создание таких условий, когда продолжение сопротивления для командования противника является невозможным. Это достигается посредством одновременных и мощных ударов по всей государственной и военной системе от «центрального» кольца к «периферии», что должно привести к его полному параличу. В итоге, возможно будет влиять на политику руководства противника в нужном направлении.

Стратегия разрушения нацелена на уничтожение всей государственной и военной системы противника до того предела, когда возможные изменения политики руководством противника уже не имеют никакого значения. По мнению самого Дж. Уордена, эта стратегия наименее эффективна в XXI веке, несет с собой массу ограничений, в том числе морального плана, и будет редкостью.

Графически суть теории стратегического паралича Дж. Уордена изобразил майор Дэвид Фэдок⁵:



В целом, важнейшую роль в военных действиях, по мнению последователей школы Дж. Уордена, призваны играть ВВС, которые своими средствами поражения обеспечивают выведение из строя ключевых «центров тяжести» противника.

Эта модель практически реализовывалась американским командованием в ходе операции «Буря в пустыне» против Ирака в 1990-1991 гг. Такая модель, в частности, практически отработывалась в ходе последней операции НАТО против Югославии.

Эта модель была положена и в основу стратегического планирования военной кампании США в Ираке весной 2003 года.

Операции по «обезглавливанию»

Для понимания сущности операций по так называемому «обезглавливанию» противника более всего подходит аналогия с головой и шеей. К этому приему прибегает профессор Мартин Либицки, описывая сущность информационной войны в сфере руководства и управления войсками⁶. «Обезглавливание», в представлении американского ученого, представляет собой или «удар по голове», или «перерубание шеи», проводимые с различными тактическими или стратегическими целями.

«Обезглавливание» вражеской армии как метод ведения войны применялся с древних времен. История дает немало примеров того, как охотились в прямом смысле этого слова за головами королей, военачальников, маршалов и генералов. В средние века уничтожение главнокомандующего накануне битвы могло привести к краху всей военной кампании. Роль и значение военачальника возрастало вслед за развитием военной теории, военного дела в целом, технических средств ведения войны. В конечном счете, это привело к появлению института штаба (генерального штаба) – планирующего, организующего и контролирующего органа военачальника. Постепенно и понятие «обезглавливание» противника стало более широким по своему значению: уничтожение не одного военачальника, а всего штаба, штаб-квартиры, ставки военачальника, пункта управления.

⁵ D. S. Fadok. John Boyd and John Warden: Air Power Quest for Strategic Paralysis. A Thesis presented to the faculty of the School of Advanced Airpower Studies. Air University. Maxwell Air Force Base, Alabama, June 1994.

⁶ Martin C. Libicki. What Is Information Warfare? National Defense University. August 1995.

Это и является «головой» противника на поле боя. И все же роль и значение личности военачальника, лидера, командира не утратили своей важности.

В современных условиях, по мнению М. Либицки, «удар по голове» может явиться решающим для исхода всей военной операции в целом, особенно если он нанесен заранее и в нужное время. Причем, удар по пунктам управления (штабам) может оказаться даже более эффективным с военной точки зрения, чем уничтожение военачальника (командира).

Для нанесения «удара в голову» вовсе не обязательно использовать огневые средства поражения. В современных условиях наибольший эффект могут дать информационные средства воздействия – компьютерные вирусы, электромагнитные импульсы и просто выключение электроэнергии. Эти средства тем более эффективны, что для их применения и выведения из строя пунктов управления противника не нужно даже знать их точные координаты.

Опасность применения противником информационных средств воздействия на пункты управления вынуждает принимать ответные меры – в частности, проводить децентрализацию и рассредоточение системы управления войсками, создавать запасные и дублирующие сети, применять дорогостоящие средства защиты информации, прибегать к телеконференциям, создавать новые технологии.

«Голова» - система руководства и управления - всегда была и остается наиболее важным «центром тяжести» противника и своих войск. Ей всегда уделялось особое внимание, и в будущем защита «голова» всегда будет занимать верхнюю строчку в системе приоритетов государств и их вооруженных сил. Поэтому, по мнению Мартина Либицки, «в будущем будет просто глупым строить военную стратегию на предположении, что система руководства и управления противника может быть выведена из строя»⁷.

«Перерубание шеи» как метод «обезглавливания» представляет собой операции по перерезанию линий коммуникации и связи противника. К таким действиям, как свидетельствует история войн и вооруженных конфликтов, противники и оппоненты прибегали всегда. Однако в результате развития радио- и электронных средств коммуникации (соответственно с 20-х гг. и середины 90-х гг. XX века) роль и значение операций, направленных на нарушение функционирования системы связи противника, становятся все сложнее. Система связи, подобно кровеносной системе организма, пронизывает собой всю военную организацию общества, вооруженные силы в целом и отдельные их компоненты на театре военных действий.

Тактический и оперативно-тактический уровень операций по «обезглавливанию» противника дополняется операциями стратегического уровня, нацеленными на уничтожение политического и военно-политического руководства противника. Операции на этом уровне могут вестись в отношении стран, политический курс которых не соответствует интересам и ожиданиям Вашингтона.

⁷ Martin C. Libicki. What Is Information Warfare? National Defense University. August 1995. P. 13.

В рамках «обезглавливания» предполагается как физическое уничтожение лидеров государства-противника, так и моральная и политическая дискредитация их в глазах местного населения и мировой общественности. Для проведения акций физического устранения лидеров противной стороны могут привлекаться силы специальных операций и другие силы и средства вооруженных сил и специальных служб. Примером такой операции может служить спецоперация российских военных по уничтожению Джохара Дудаева. Образцом дискредитации политического лидера в глазах собственного населения и мировой общественности стала операция Вашингтона против бывшего югославского лидера Милошевича.

В марте 2001 года в корпорации RAND была завершена разработка специального исследовательского проекта «Операции против лидеров противника»⁸, посвященного проблеме «обезглавливания» противника. Аналитики из RAND подробно рассмотрели 24 операции, нацеленные на уничтожение лидеров противника, которые организовывались и проводились США и другими государствами за последние 50 лет.

Авторы исследования выделяют три формы операций против лидеров противника:

1. Операции, направленные непосредственно против личности лидера.
2. Операции, предназначенные для инициации и содействия в смещении лидера посредством внутренних заговоров или восстаний.
3. Операции, содействующие смещению лидера в результате вмешательства внешней военной силы (вмешательства извне).

Соединенные Штаты имеют богатый опыт по подготовке и проведению открытых и тайных операций против лидеров иностранных государств с целью изменения их политики и поведения на международной арене. В связи с этим, как указывается в исследовании корпорации RAND, целями США в этих операциях могут быть:

- Принудить враждебные государства отказаться от своей политики или поведения, если они направлены против американских интересов.
- Сдержать противника от возможных будущих акций против американских интересов.
- Сместить (низложить) потенциально враждебные режимы.
- Лишить противника способности вести войну или прибегнуть к терроризму.

Американские специалисты описывают три «потенциальных механизма» по приведению политики лидера враждебного государства в состояние, соответствующее американским интересам.

Во-первых, враждебный лидер, политика или поведение которого, по мнению США, являются неприемлемыми, может быть уничтожен или

⁸ Operations Against Enemy Leaders. RAND, 2001.

выведен из строя и заменен преемником, политическая ориентация которого будет более соответствовать американским интересам. Во-вторых, лидер иностранного государства может посчитать вероятность американского удара по его личности и власти столь высокой, что он уступит требованиям США, чтобы избежать возможного в будущем удара. В-третьих, уничтожение лидера может вызвать борьбу за власть ил внутренние распри внутри лагеря противника и заставить новое руководство искать передышку в конфликте и согласиться с решением приемлемым для США.

В военное время, как отмечается в докладе «Операции против лидеров противника», действия по «обезглавливанию» будут направлены на то, чтобы лишить руководство противника и его командование на поле боя доступа к информационным ресурсам – системе управления и командования, системе связи, компьютерным сетям и т.д. Считается, что физическое устранение командира, особенно способного военачальника, может привести к деградации всей системы управления войсками противника на поле боя. Успешная операция по «обезглавливанию» может также негативно отразиться на морально-психологическом состоянии противника.

«Обезглавливание» противника как метод ведения военных действий был применен американцами 19 марта 2003 года в первые дни операции «Шок и трепет» в Ираке, когда по местам предполагаемого местонахождения военного и политического руководства Ирака был нанесен мощный «точечный» удар крылатыми ракетами и самолетами-невидимками F-117. За двое суток до этого президент США Дж. Буш выступил с последним ультиматумом в адрес Саддама Хусейна, призывая последнего сдать власть.

Как считали американские специалисты, успешная операция по «обезглавливанию» противника в первые часы войны могла бы сделать всю военную операцию ненужной⁹. Однако ситуация в Ираке с самого начала стала развиваться не по американскому сценарию. Уничтожить Саддама Хусейна и политическое руководство Ирака первым ударом не получилось. Данные разведки оказались недостаточно надежными, а сам иракский лидер был достаточно осторожен: в любом случае операция по «обезглавливанию» провалилась. Более того, сразу вслед за авиационно-ракетными ударами военное командование США было вынуждено начать активные боевые действия, хотя сухопутные войска еще не были готовы идти в бой.

«Осел, нагруженный золотом»

После окончания стадии активных военных действий в Ираке в ходе операции «Шок и трепет» 2003 года стали известны подробности еще одного способа «обезглавливания» противника, к которому весьма успешно прибегала американская сторона. Этот способ известен издревле. Его в качестве афоризма сформулировал еще царь Македонии Филипп, отец

⁹ Edward Atkeson. Shock and Awe?// Army Magazine. 2003. May.

Александра Македонского, который говорил: «Осел, нагруженный золотом, возьмет любую крепость».

Некоторые детали операций по подкупу военно-политического руководства Ирака в ходе военных действий с войсками США и Великобритании в 2003 году привели иорданские добровольцы, воевавшие на стороне Саддама Хусейна. На электронном сайте «Кавказ-Центр» 21 апреля 2003 года помещена статья «Падение Багдада было сделкой», в которой, со ссылкой на газету «Al Wawaba», анализировалась возможная сделка между командующим Республиканской гвардией Ирака генералом Аль-Тикрити и военным командованием США.

Иорданские добровольцы сообщили о «жестокоем сражении с американской армией», участниками которого они оказались 9 апреля, когда иракские силы отступили со своих позиций, как в самом Багдаде, так и вокруг города, получив приказ «прекратить сопротивление и выдать всех оставшихся арабских добровольцев войскам США».

«Позднее, - сказал один из добровольцев, - все начало проясняться, и стало очевидным, что между американцами и кузеном Саддама, генералом Аль-Тикрити, командующим Республиканской гвардией в Багдаде, было заключено соглашение». Генерал отвечал за оборону Багдада и должен был взорвать мосты и перекрыть американским захватчикам все возможные пути в город.

Согласно одному из свидетельств, иракские вооруженные силы покинули Багдад ранним утром 9 апреля. «Не было ни Республиканской гвардии, ни фидаинов Саддама, ни каких-либо других иракских частей, отвечающих за оборону города. Американских захватчиков не встречал ни один вооруженный человек, кроме тех арабских добровольцев, которые еще оставались... они оказались брошенными, - сказал один из арабских добровольцев, - нас оставили без прикрытия... нас бросили и даже атаковали отступающие силы иракской армии».

Другой доброволец добавил, что «не мог поверить своим глазам, когда увидел, что иракские солдаты стреляют в группу арабских добровольцев, занимающих позиции около одного из мостов, и убивают многих из них». «По общей оценке, - заявил он, - большинство арабских добровольцев были убиты либо иракскими, либо американскими пулями. Выжившие остались на растерзание некоторым жителям Ирака, смотревшим на них как на защитников прежнего режима».

Согласно некоторым дипломатическим источникам, переговоры между американцами и лидерами Республиканской гвардии, а также командирами фидаинов Саддама начались еще до начала военных действий без ведома Саддама Хусейна.

Вскоре переговоры американцев с генералом Аль-Тикрити зашли в тупик, однако в ходе военных действий, когда он потерял связь с Саддамом Хусейном (своим кузеном), после того, как было объявлено о бомбардировке американцами здания в Багдаде, предположительно унесшей жизни Саддама и двух его сыновей, Аль-Тикрити понял, что необходимо действовать.

Согласно сообщениям, Аль-Тикрити не поверил информации американцев о гибели иракского лидера и предположил, что Саддам бежал из Ирака в другую страну. Генерал воспринял случившееся как результат «сделки», заключенной между Россией и США, вследствие которой Саддам покинул Ирак вместе с российским послом, направлявшемся в Москву через Сирию.

Боязнь Аль-Тикрити стать «козлом отпущения» привела его, в конечном счете, к возобновлению переговоров с американцами, что вызвало «прекращение огня» между сторонами и фактически решило судьбу военной кампании.

Заявления иорданских добровольцев можно было бы считать предвзятыми, если бы они не подтверждались полуофициальными заявлениями самой американской стороны. В интервью еженедельнику «Defense News» командующий американским Центральным командованием генерал Т. Фрэнкс признал, что армейское командование США в конце войны подкупало иракских командиров, заставляя их без боя складывать оружие. «Я получал письма от иракских генералов, - заявил Томми Фрэнкс, - в которых они писали: «Теперь мы работаем на вас»¹⁰.

Комментируя признание генерала, военный обозреватель интернет-издания «State.com» Фред Каплан сделал вывод: «Одна крылатая ракета стоит от 1 до 2,5 млн. долларов. Но взятка в таких размерах будет намного более «точным оружием» и к тому же совершенно бескровным».

Охота за бывшими лидерами Саддамовского Ирака активно продолжалась и после окончания военной стадии конфликта, фактически закончившись поимкой самого иракского диктатора. Примененный американским командованием метод «материального поощрения» за информацию о разыскиваемых политических и военных деятелях из знаменитой «колоды карт» дал свои плоды.

К подкупу лидеров противника американские вооруженные силы прибегали и в недавних операциях в Афганистане, что обеспечило им быстрый разгром «Талибана» и «Аль-Каеды». По различным сведениям, один полевой командир в зависимости от своего ранга «стоил» от 50 тысяч до 1 миллиона долларов¹¹.

«Вашингтон таймс» сообщила о единовременном вручении 35 полевым командирам спутниковых телефонов и 200 тыс. долларов каждому. Как отмечает газета, среди получивших деньги есть и дезертировавший из «Талибана» Мирза Мохаммед Нассери, который стал командиром отряда в Кундузе на севере Афганистана. Деньги выдавались в американском посольстве в Пакистане и на территории Афганистана перед началом операции. Общая сумма только известных журналистам сделок превышает 7 миллионов долларов.

По мнению экспертов, это – лишь видимая часть айсберга. Помимо полевых командиров соответствующий «гонорар» выплачивался племенным

¹⁰ Генерал Фрэнкс устал подкупать и воевать// См.: Washigton ProFile от 28 мая 2003 г.

¹¹ Генерал Фрэнкс устал подкупать и воевать// См.: Washigton ProFile от 28 мая 2003 г.

старейшинам, а также пуштунским племенам на территории соседнего Пакистана, чтобы те не вмешивались в конфликт в Афганистане. Первый транш, направленный в Пакистан уже через месяц после трагедии 11 сентября 2001 года, составил 600 миллионов долларов. Эти деньги пошли на прямой и завуалированный подкуп афганских правящих, властных и оппозиционных кругов (своеобразных «элит»).

В любом случае, как считают американские специалисты, прямой или опосредованный подкуп руководства противника является наиболее эффективной и «гуманной» формой операций по «обезглавливанию». Сделка (выплата денег) выгоднее, чем трата материальных ресурсов и времени, риск для жизни своих солдат и офицеров, политические и иные издержки крупномасштабной военной операции. Эта практика проверена временем и активно применялась на всех континентах во все исторические эпохи.

«Шок и трепет»

В декабре 1996 года в Университете национальной обороны США, считающемся самым авторитетным военно-научным и учебным заведением Соединенных Штатов, была издана книга «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования», написанная Харланом Уллманом и Джеймсом Уэйдом¹². Работа стала результатом исследования, в котором помимо авторов приняли участие опытные и авторитетные эксперты Университета национальной обороны США Л. Эдни, Ф. Фрэнкс, Ч. Хорнер, Дж. Хоуи и К. Брэндли. Этой небольшой по объему работе суждено было войти в историю: ее принципиальные положения легли в основу планирования и проведения военной операции против Ирака в 2003 году. Военная акция американских и британских войск тоже получила название «Шок и трепет».

Главная идея авторов заключается в том, что с окончанием холодной войны создалась уникальная для США ситуация, когда на планете фактически нет противника, который мог бы сравниться по военной мощи с вооруженными силами Соединенных Штатов. Такое положение, названное авторами «периодом стратегического преимущества», может продлиться, по оценкам Х. Уллмана и Дж. Уэйда, достаточно долго, может быть даже несколько десятилетий. Однако именно такая ситуация представляет для США новые опасности. Потенциальные противники, прекрасно понимая технологические преимущества США, попытаются изменить условия проведения будущего конфликта и нейтрализовать американские преимущества.

Авторы исследования отмечают: «Хотя общая угроза для США с крахом СССР резко уменьшилась, было бы верхом глупости предполагать, что для нашей нации больше нет никаких рисков, или что не стало больше злодеев,

¹² Harlan K. Ullman and James P. Wade. Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance. NDU: Washington, D.C., December 1996.

которые бы не хотели зла нашей стране. Было бы также весьма близоруко ожидать, что наши потенциальные противники невежественны и не попытаются преодолеть наше нынешнее военное и техническое превосходство своими преимуществами в лучшем знании обстановки и простоте, подобно тому, как то сделали северные вьетнамцы».

Анализируя создавшуюся ситуацию и признавая ее выгодной для США, американские эксперты в своей книге, ссылаясь почему-то на авторитет В.И. Ленина, отмечают: «Ленин задавался вопросом: «Что делать?» Прежде всего, США должны использовать те несколько преимуществ, которыми они располагают. Первое - у нас есть время... Второе – сочетание американских технологических «ноу-хау» со статусом самого образованного и подготовленного общества в мире и предпринимательским духом нашей системы создает мощный потенциал, если мы будем достаточно умны воспользоваться этим уникальным ресурсом. И третье – министерство обороны уделяет большое внимание развитию новых концепций и идей».

Воспользовавшись создавшимися для Соединенных Штатов преимуществами, необходимо, по мнению Х. Уллмана и Дж. Уйэда, сосредоточить силы на постижении сути угроз и вызовов безопасности США и на этой основе разработать концептуальные подходы к их нейтрализации. Какие вооруженные силы нужны США в современную эпоху и в будущем? Каковы направления их строительства или возможного реформирования? Каковы, наконец, должны быть стратегические концепции и тактика действий американских войск в «традиционных» войнах с потенциальными противниками?

Харлан Уллман и Джеймс Уэйд выдвигают свою концепцию, которая, по их мнению, может обеспечить вооруженным силам США победу в будущих войнах. Великие полководцы древности еще задолго до китайского стратега Сунь Цзы ломали головы над заманчивой идеей разгрома противника путем подрыва его воли еще перед началом сражения. Как победить не воюя, как заставить противника капитулировать еще до начала военных действий – об этом мечтали многие тираны и монархи прошлого. И только сегодня, как считают американские эксперты, появилась возможность попытаться претворить эту мечту в жизнь.

Суть новой стратегической концепции, которую Х. Уллман и Дж. Уэйд назвали стратегией «стремительного доминирования», заключается в «сломе или подчинении воли противника к сопротивлению, в результате чего он будет вынужден подчиниться нашим стратегическим и военным целям». Для достижения этого результата необходимо, по словам авторов исследования, «полностью контролировать оперативную обстановку и благодаря этому доминированию контролировать все, что противник воспринимает, понимает и знает, равно как и контролировать и регулировать то, что он не воспринимает, не понимает и не знает».

Стратегия «стремительного доминирования» должна полностью ввергнуть противника в состояние ужаса, хаоса и паники или, говоря словами авторов концепции – «шока и трепета». Они пишут: «Цель стратегии

«стремительного доминирования» заключается в воздействии на волю, процессы восприятия и понимания противника посредством введения режима «шока и трепета» таким образом, чтобы заставить его принять наши стратегические политические цели. Очевидно, что традиционные военные цели уничтожения, разгрома или нейтрализации военных возможностей противника являются основополагающим и необходимым компонентом стратегии «стремительного доминирования». Нашим намерением, однако, является использование множества возможностей для инициации состояния шока и трепета, делающего противника бессильным. Это означает, что должны быть достигнуты физические и психологические результаты».

Авторы проекта следующим образом трактуют суть словосочетания «стремительное доминирование»: «Стремительность» означает способность двигаться быстро, еще до того, как противник сможет отреагировать... «Доминирование» означает способность воздействовать и доминировать над волей противника как физически, так и психологически».

Под понятием «физического доминирования» американские специалисты подразумевают «способность уничтожить, разоружить, расстроить, нейтрализовать и обессилить» противника.

«Психологическое доминирование», в свою очередь, означает «способность уничтожить, разоружить или нейтрализовать волю противника к сопротивлению или убедить его принять наши условия и цели без применения силы». Объектом воздействия психологического доминирования считается «воля, система восприятия и процессы понимания противника», а механизм воздействия состоит в создании обстановки «шока и трепета». При этом очень важно, чтобы обстановка «шока и трепета» имела всеобъемлющий характер и была создана мгновенно, чтобы полностью парализовать волю противника. Для достижения этого необходимо сосредоточить усилия на подавлении или уничтожении продовольственной базы противника, запасов воды, инфраструктуры, линий коммуникаций. Все это должно сопровождаться массированным проведением операций по введению в заблуждение, дезинформации, приведению в замешательство и т.п.

Другими словами, суть стратегии «стремительного доминирования» заключается в установлении контроля над обстановкой и парализации способности противника воспринимать и понимать события, что делает его неспособным оказывать сопротивление на тактическом и стратегическом уровнях. Противник окажется совершенно бессильным и уязвимым для наших действий.

Сила и стремительность действий должны быть столь высокими, что у противника не должно оставаться ни тени сомнения в неизбежном крахе. И дело даже не в уровне возможных потерь в живой силе и технике. Противник должен быть психологически сокрушен.

Вооруженные силы, осуществляющие операции в рамках стратегии «стремительного доминирования» должны обладать четырьмя важнейшими характеристиками. Им должны быть присущи:

1. максимально полное или абсолютное знание и понимание себя, противника и обстановки;
2. стремительность и своевременность в действиях;
3. операционная безупречность в действиях;
4. максимально полный контроль над оперативной обстановкой.

Максимальное знание обстановки, противника и своих собственных сил должно обеспечиваться на всех уровнях: политическом, стратегическом, экономическом и военном/операционном. Как говорят авторы, необходимо «проникнуть глубоко в сознание противника», намного глубже, чем в прошлом. Под этим «проникновением» они понимают не только эффективную разведку противника, но и «культурное понимание» противника, то есть знание и понимание его национального менталитета, особенностей национального характера, специфики процессов принятия решений. Все это влияет на планирование и результаты военных операций на тактическом и стратегическом уровнях.

«Стремительное доминирование» должно обеспечивать стремительность действий, так как фактор времени является ключевым. Эта концепция предусматривает использование всех своих возможностей быстрее и эффективнее противника.

Войска и силы, задействованные в операциях в рамках стратегии «стремительного доминирования» должны находиться в высшей степени готовности, обладать высочайшим уровнем подготовки и оснащённости.

И, наконец, «стремительное доминирование» предполагает достижение абсолютного контроля над обстановкой – над информационными потоками своими и противника, а также предусматривает целый комплекс мер по дезинформации и введению противника в заблуждение.

Авторы концепции «стремительного доминирования» сопоставляют ее с концепцией «решительной силы», которая была реализована в ходе операции «Буря в пустыне» в 1990-1991 гг. Суть последней заключается в концентрации огромного количества сил и средств, обеспечивающих абсолютное превосходство над противником. Военные действия приобретают изнурительный характер действий «силы против силы». При этом, естественно, не исключается, например, ведение психологических операций и других форм воздействия на противника, однако все они второстепенны по отношению к боевым действиям. Даже время при проведении операций в рамках концепции «решительная сила» как правило не имеет существенного значения.

Х. Уллман и Дж. Уэйд свели воедино и сопоставили основные отличия между концепциями «решительной силы» и «стремительного доминирования»:

Характеристики	«Стремительное доминирование»	«Решительная сила»
Цель		Решительное

		военное преобладание над противником в крупном региональном военном конфликте
Использование сил	Контроль над волей противника, системами его восприятия и понимания, что делает его неспособным действовать или реагировать	Безусловное военное превосходство над силами противника с учетом возможностей последнего
Масштаб задействованных сил	Могут быть меньше, чем у противника, но должны иметь преимущества в технологии, подготовке личного состава и тактике	Большие, высокий уровень подготовки, отличное вооружение. Материально превосходящие
Сфера действий	Всеобъемлющий	Сила против силы с соответствующей поддержкой
Скорость	Необходима	Желательна
Потери	Могут быть незначительными с обеих сторон	Потенциально высокие с обеих сторон
Технология (способы) действий	Паралич, шок, тревожное состояние, отречение, уничтожение	Систематическое уничтожение военных возможностей. В некоторых случаях – война на изнурение

В своей работе Х. Уллман и Дж. Уэйд пытаются экстраполировать принципы стратегии «стремительного доминирования» на возможный конфликт будущего, взяв в качестве потенциального театра военных действий Персидский залив. Они пишут: «Предположим, операция типа «Буря в пустыне» проводится через 20 лет в соответствии с планом, основанным на концепции «стремительного доминирования». Предположим, далее, что Ирак улучшим и восстановил свою военную мощь, а нашей основной задачей будет в ходе серии последовательных, скоротечных акций вывести Ирак из строя, уничтожить его правительство, изолировать и уничтожить его вооруженные силы, как то имело место в 1991 году. Однако через 20 лет концепция «стремительного доминирования» позволит достичь этой цели за несколько дней, а возможно даже часов, а не через шесть месяцев, да еще с привлечением 500 тысяч солдат, как это было в 1990-1991

гг. Более того, стратегия «стремительного доминирования» даже обеспечит условия предотвращения вторжения на начальной стадии».

Продолжая свою мысль, американские эксперты отмечают необходимость сосредоточения усилий на двух аспектах: физическом уничтожении соответствующей инфраструктуры противника и лишении его доступа к потокам информации и торговли. Действия американской стороны должны быть решительны и быстры, чтобы вызвать «национальный шок», сравнимый по психологическим результатам с эффектом атомной бомбардировки Хиросимы или Нагасаки. Одновременно с этим вооруженные силы Ирака окажутся парализованными в результате мер по нейтрализации и уничтожению их боевых возможностей. В широчайших масштабах будут применены меры введения в заблуждение и дезинформации. Очень важно уже входе первых военных акций ввергнуть противника в состояние шока, причем не только и не столько его вооруженные силы, сколько политическое руководство страны и его население в целом. Противнику ни в ком случае нельзя давать передышки, чтобы он смог оправиться от шока, собраться с силами и оказать сопротивление. Если же сопротивление все-таки не будет сломлено в ходе первых ошеломительных ударов, обычные силы должны вступить в бой для физической оккупации территории противника.

Если учесть, что работа «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования» была написана в 1996 году, более чем за шесть лет до операции американских и британских войск в Ираке, то предвидения авторов можно считать провидческими.

Модели «шока и трепета»

Харлан Уллман и Джеймс Уэйд в своей работе «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования» на основе глубокого историко-философского обобщения проводят анализ возможных типов или моделей операций по приведению в «шок и трепет». По их представлениям, сама по себе эта идея не нова, она неоднократно эффективно реализовывалась в военной стратегии прошлых эпох. Авторы выделяют несколько моделей операций по приведению в «шок и трепет».

Самым наглядным историческим примером таких операций считаются **атомные бомбардировки Японии** в конце второй мировой войны. Как подчеркивают американские ученые, вооруженные силы и население милитаристской Японии были готовы вести самоубийственную войну до самого конца, пока не подверглись атомным бомбардировкам. Воздействие атомных бомб на сознание населения и политического руководства страны было настолько велико, что Япония оказалась в состоянии «шока и трепета». Страшная реальность, что всего одна бомба и один американский самолет могут вызвать такие последствия, повергла всю нацию в трепет. И это было концом сопротивления.

В будущем, как считают американские исследователи, развитие технологий, появление новых средств разрушения может привести

потенциального противника, целую нацию, в аналогичное состояние «шока и трепета». Причем, вовсе не обязательно применение каких-либо супер-современных средств поражения, только демонстрация возможных последствий их применения может оказаться достаточной.

Другим примером операции по приведению противника в состояние «шока и трепета» Х. Уллман и Дж. Уэйд называют **«массированные бомбардировки»**. Это имело место в годы второй мировой войны, когда союзная авиация методично и целенаправленно обрушивала бомбы на немецкие города и сжигала целые японские населенные пункты. Аналогичные задачи решала американская авиация в годы войны во Вьетнаме. Воздействие этих бомбардировок не давало немедленного результата, однако аккумулярующий эффект психологического воздействия этих бомбардировок в конечном счете приводил к желаемому результату. Такого рода действия в будущем потребуют значительного времени, огромных ресурсов и политической поддержки выбранному стратегическому курсу.

Еще одной исторической моделью военных акций, способных привести противника в состояние «шока и трепета» стал **«блицкриг»**. Немецко-фашистское командование вовсе не прибегало к массированному применению своих сил и средств на всем фронте. Напротив, они добивались абсолютного превосходства только на отдельных критически важных участках. С выходом войск вермахта в тылы противника, последнего охватывала паника и настроения пораженчества. Это, в конечном счете, приводило население и армию противника в состояние «шока и трепета» перед военной машиной вермахта. Так было при оккупации Франции и Голландии.

В определенной степени блицкригом стала операция «Буря в пустыне», хотя ее отличием от фашистской стратегии было достижение абсолютного превосходства в силах и средствах над противником.

Вместе с тем, отмечают американские авторы, стратегия «блицкрига» для достижения состояния «шока и трепета» не всегда может сработать. В партизанской войне, например в войне во Вьетнаме, немецкий «блицкриг» был просто невозможен.

Следующей моделью действий по достижению состояния «шока и трепета» Х. Уллман и Дж. Уэйд называют **«эффект Сунь Цзы»**. Суть этого эффекта состоит в «выборочном, мгновенном обезглавливании военных или социальных объектов противника для достижения состояния шока и трепета».

Древнекитайские хроники гласят, что однажды полководец Сунь Цзы был вызван к правителю царства У, который, проведав о выдающемся военном гении полководца, решил испытать его теорию на практике. Правитель спросил, возможно ли применить положения «Трактата о военном искусстве» к женщинам. Услышав положительный ответ великого полководца, правитель призвал своих наложниц и повелел заставить их маршировать по-военному. Женщины восприняли все это как очередную

утеху правителя и просто рассмеялись над своим новым «командиром». В ответ на это Сунь Цзы приказал отрубить голову одной из наложниц, что и было мгновенно исполнено. И все же женщины не могли поверить в серьезность намерений полководца, продолжая над ним потешаться. Это стоило головы еще одной наложницы. После этого, как гласят китайские источники, наложницы выполняли все приказы своего «командира», подобно самому дисциплинированному военному отряду.

Таким образом, состояние шока и трепета и, как следствие, смирения и подчинения наложниц своей воле было достигнуто Сунь Цзы быстрым и выборочным применением самых жестоких мер. Для подчинения группы достаточно смирить, вывести из строя или уничтожить одного. Рассуждая таким образом, Х. Уллман и Дж. Уэйд отмечают, что сам по себе «эффект Сунь Цзы» «выпадает за рамки культурного наследия и ценностей американского общества». Однако в переносном смысле эта идея вполне «работоспособна». «Обезглавливание» в этом смысле представляет собой лишение противника возможности «видеть, воспринимать, понимать». Для этих целей могут использоваться не средства физического поражения, а приемы и методы введения в заблуждение, обмана, провокаций, морально-психологического разложения.

В ряду возможных действий, приводящих противника в состояние «шока и трепета» выделяется так называемый **«Гаитянский вариант»** или вариант «потемкинских деревень». Суть этого подхода состоит во введении противника в заблуждение относительно реального соотношения сил и средств, запугивании его и достижении тем самым требуемых военно-политических целей. В начале XIX столетия национальные гаитянские власти решили избавиться от французского владычества. Сделать это без вооруженной борьбы не представлялось возможным. Однако тут подвернулся благоприятный момент: на Гаити прибыл новый французский военный контингент, и в честь этого события был организован военный парад. Гаитянские власти выпустили на площадь все имевшиеся у них батальоны. Перед самоуверенными французами проходил один батальон за другим, не успевала с площади уйти одна часть, как ее сменяла другая. Поток гаитянских частей был нескончаем, и французы пришли в шок. Они и не догадывались, что гаитянские части ходили по кругу и могли бы ходить так хоть до утра. Результат не замедлил сказаться: французские власти сочли, что силы гаитян измеряются сотнями тысяч воинов, воевать с которыми невозможно. Гаити получила независимость без единого выстрела.

«Гаитянский вариант» характеризовал Ирак под властью Саддама Хусейна. Последний заставил поверить многих в силу и мощь своего политического режима и боеспособность своих вооруженных сил. Однако в ходе операции «Буря в пустыне» оказалось, что Саддам больше блефовал, чем опирался на реальность.

Другим историческим примером приведения противника в состояние «шока и трепета» Х. Уллман и Дж. Уэйд считают **эффект «римского легиона»**. Его суть заключается в создании у противника представления о

нашем превосходстве и непобедимости, невозможности вести борьбу с нами и о своей слабости, даже если угроза возмездия наступит и не скоро. Это психологическое состояние противника действует деморализующим образом, лишая противника воли к сопротивлению и вообще к каким-либо активным действиям. В эпоху Великой Римской империи войска, стоявшие небольшими гарнизонами, не могли обеспечивать эффект физического присутствия везде, на всем огромном пространстве Срезидеземноморья. Однако, если где-то в границах империи происходили волнения или внешние вторжения, противник знал, что мести непобедимых римских легионов рано или поздно не избежать. На этих двух «китах» - славы непобедимости и неотвратимости возмездия – держался ореол мощи римского войска.

В качестве еще одной типичной модели операций по приведению противника в состояние «шока и трепета» Х. Уллман и Дж. Уэйд считают **метод «постепенного разложения»**. Под этим приемом понимается достижение эффекта, сравнимого с воздействием традиционной древнекитайской пытки водой: вода капля за каплей падала на затылок наказуемого в течение длительного времени, сводя его с ума. Этот метод предполагает длительность воздействия, эффект невозможно достичь в сжатые сроки, однако возможно избежать больших потерь и массивных разрушений. Классическими методами стратегии «постепенного разложения» считаются экономическая блокада и эмбарго, политика экономического и политического давления и «изнурения», другие «карательные» акции. Социально-политические беспорядки и разложение в стане противника вызывает у него состояние «шока и трепета» в форме разочарования, сковывающего его волю к сопротивлению.

Последней моделью действий по приведению противника в состояние «шока и трепета» американские авторы называют **феномен «Королевской канадской конной полиции»**, неофициальным девизом которой был лозунг: «Никогда не посылай человека туда, куда можно послать пулю». Современные американские высокоточные средства поражения (самолеты-невидимки, крылатые ракеты и т.п.) позволяют эффективно действовать по вышеуказанному принципу, не подставляя свои войска угрозе со стороны противника.

Подытоживая исторический обзор моделей операций по приведению противной стороны в состояние «шока и трепета», Х. Уллман и Дж. Уэйд приходят к выводу, что все они в той или иной степени могут быть использованы в будущем для проведения в жизнь концепции «стремительного доминирования». По понятным причинам, для США в настоящее время уже неприемлемы акции грубого физического насилия в отношении населения потенциального противника, однако физический террор с целью приведения противника в «шок и трепет» возможно успешно компенсировать психологическим террором, акциями по дезинформации, введению в заблуждение, обману.

Операции «стремительного доминирования»

Исследование Х. Уллмана и Дж. Уэйда «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования» дает не только общие теоретические подходы к военным операциям будущего, но и формулируют некоторые конкретные соображения о характере будущих операций и составе сил и средств для их проведения.

Военные операции «стремительного доминирования» будут характеризоваться целым рядом характеристик, среди которых очевидными являются:

- Время и место конфликта выбирает противник (застигая нас врасплох).
- Мы затем перехватываем инициативу, благодаря превосходящим возможностям в скорости, знании и способности действовать и реагировать.
- Наши силы должны восприниматься как непобедимые; боевые действия должны убедить противника в безнадежности его положения.
- Боевые действия должны быть неумолимыми и всемогущими в смысле выбора времени, места, и темпа действий.
- Союзные операции должны быть тщательно разработаны и скоординированы во всем спектре от политических целей до боевых действий, включая и психологическую войну.
- Противник должен подвергаться ударам в тех районах, которые имеют для него особую важность, и уничтожаться в ходе яростных стремительных атак.

Операция «стремительного доминирования», по мнению американских исследователей, будет проводиться в три этапа.

Первый этап: реагирование в течение 1-3 дней. В ходе этого этапа наносятся авиационные удары и удары крылатыми ракетами, проводятся операции сил специального назначения.

Второй этап: реагирование в течение 5-10 дней. Американские войска наращивают свою мощь, в действие вводится объединенная группировка войск силой от усиленной дивизии до корпуса общей численностью 75-200 тысяч человек.

Третий этап: реагирование в течение 10-30 дней. Предполагается введение в действие второго корпуса.

Что будет представлять собой объединенная группировка войск для проведения операций «стремительного доминирования»? Прежде всего, в него войдут компоненты (части и подразделения) ВВС, сухопутных войск, ВМС и космических сил. Главным условием эффективности действий этой группировки будет совершенная система разведки. И, как уже отмечалось, объединенная группировка войск должна превосходить противника в четырех сферах: знании себя, противника и обстановки; стремительности; безупречности действий; контроллинге обстановки.

Знание в данном случае, как отмечают Х. Уллман и Дж. Уэйд, выходит далеко за рамки всеобъемлющего знания обстановки на поле боя. Оно подразумевает понимание менталитета противника и предвидение его реакций. Оно подразумевает сосредоточение на тех целях, уничтожение которых может вызвать у противника наивысшую степень «шока и трепета». Оно также означает реальную «обратную связь» и адекватную своевременную оценку боевой обстановки, что обеспечивает динамическое использование этого знания, а также дает возможность избрать правильный алгоритм нашего собственного реагирования на обстановку. Американские авторы пишут: «Разведка включает в себя пять категорий знания и понимания: политическое руководство противника; культура и ценности; стратегическая, политическая, экономическая и физическая обстановка; военные возможности и боевой порядок противника; всеобъемлющее владение информацией на поле боя».

Стремительность подразумевает быстроту в действиях и скорость в маневре, в любом случае быстрее противника, причем обязательно на основе своевременности. Стремительность может быть постоянной или достигаться по требованию командования.

Безупречность действий характеризует высшую степень боевой готовности и боевой способности группировки войск, что позволяет приводить противника в состояние «шока и трепета». Это достигается проведением неожиданных для противника акций и психологическим и физическим подрывом воли противника к сопротивлению. Применение новых технических средств, в частности сенсоров и датчиков поля боя, призвано содействовать достижению этой цели. Высочайшие требования предъявляются к индивидуальной подготовке личного состава, действиям децентрализованно, в составе мелких групп (подразделений).

Контроль над обстановкой предполагает абсолютное доминирование на поле боя, что достигается применением новых систем поражения (включая несмертельное оружие, высокоточное и «умное» оружие); боевых платформ (воздушных, наземных, морских), созданных на основе технологии «невидимости»; широким использованием систем робототехники. Контроль над обстановкой предполагает также и активные меры по дезинформации и введению противника в заблуждение, морально-психологическому разоружению его и, соответственно, введению в состояние «шока и трепета».

Таким образом, военные специалисты Университета национальной обороны США считают, что концепция «стремительного доминирования» является наиболее адекватной формой ведения военных действий вооруженными силами США в рамках крупного регионального конфликта будущего. По их мнению, абсолютное превосходство американских войск во всех сферах (техническом оснащении, технологических инновациях, боевой подготовке личного состава и т.д.) гарантирует им успех действий против враждебного американским интересам государства путем введения его в состояние «шока и трепета». По крайней мере, как подчеркивают авторы проекта, концепция «стремительного доминирования» дает явные

преимущества перед концепциями войны на истощение, маневренной войны, концепцией «превосходящей силы». Эта модель реально отработывалась в ходе операции вооруженных сил США и Великобритании в Ираке весной 2003 года и на этапе военных действий показала свою действенность.

«Операции по достижению эффективности» в Ираке

«США и Великобритания будут вести в Ираке воздушную войну нового типа, - утверждал А. Кордесман в марте 2003 года, за считанные дни до начала военной операции в Ираке. - Она будет нацелена на то, чтобы не поражать или избегать поражения всех целей, которые не являются важными военными целями для режима, обреченного на уничтожение в течение нескольких дней или недель»¹³.

Систематизируя характеристики и отличительные черты «операций ВВС по достижению эффективности», профессор американского Центра стратегических и международных исследований А. Кордесман фактически описал сценарий ожидавшейся военной кампании. Последовавшие затем события только подтвердили расчеты американского военного эксперта.

В основе «операций по достижению эффективности» лежат несколько важнейших принципов:

- Военный успех конфликта (войны) может быть predetermined или даже решен на начальной стадии его развития.
- В быстром и решительном уничтожении противника важнейшая роль отводится авиации и крылатым ракетам, формирующим основу первого удара.
- Важную роль выполняет разведка и система выбора и классификации целей, сводящая на нет возможный побочный эффект от применения авиации по гражданским объектам и позволяющая наиболее рационально выбирать тип и мощность боеприпаса, время поражения конкретных целей противника.
- Главная роль в поражении объектов и целей противника отводится высокоточным системам поражения, которые позволяют «адресно» вывести из строя ключевые и наиболее значимые для противника объекты, после чего его военная система рушится.

Война в Ираке весной 2003 года позволила «обкатать» в практических условиях основные положения концепции «операций по достижению эффективности». В отличие от концепции «пяти колец Уордена», инфраструктура, промышленность, линии коммуникаций, энергетическая база страны и даже воинские части и соединения противника, не оказывавшие сопротивления, не включались в число важнейших целей для поражения американской авиацией. Только политическое руководство Ирака – лично Саддам Хусейн - оставались главной целью. Суть «операции по

¹³ Cordesman, A. Understanding the New “Effect-Based” Air War in Iraq. Center for Strategic and International Studies. 2003, March 15.

достижению эффективности» в Ираке, как отмечает А. Кордесман, состояла в «парализации и уничтожении политического режима, а не в уничтожении страны противника», поэтому цели за редким исключением выбирались вне пределов проживания или концентрации гражданского населения.

Использование высокоточных средств поражения является особой отличительной стороной современных операций в целом и «операций по достижению эффективности» в частности. Так, в последней войне в Ираке 70% использованных вооруженными силами США боеприпасов были высокоточными, причем в густонаселенных и особо «чувствительных» районах количество высокоточных боеприпасов достигало 90%.

Основу арсенала высокоточного оружия первого удара в вооруженных силах США составляют крылатые ракеты воздушного и морского базирования. В войне против Ирака в 2003 году всего было использовано 153 крылатые ракеты воздушного базирования AGM-86 C/D и 802 ракеты BGM-109 «Томагавк» морского базирования. После операции «Буря в пустыне» эти ракеты прошли модернизацию, были оснащены системами навигации на основе общепринятой в США единой системы GPS. Процент ракет «Томагавк», не поразивших намеченные цели, составил всего 2%, что было в 5 раз лучше показателя 1991 года¹⁴.

Среди других авиационных высокоточных боеприпасов, использовавшихся в войне в Ираке в 2003 году, были 8618 авиабомб с лазерной системой наведения (GBU-10, GBU-12,

GBU-16, GBU-24, GBU-27, GBU-28); 98 авиабомб с системой GPS и лазерным наведением EGBU-27; 6542 авиабомб с системой GPS (GBU-31, GBU-32, GBU-53, and GBU-37) и 408 высокоточных противорадиолокационных ракет AGM-88 с системой GPS. В качестве наиболее распространенного и эффективного вида высокоточных авиационных боеприпасов зарекомендовала себя лазерная 500-фунтовая бомба GBU-12 Paveway («Путепрокладчик»). Максимальная дальность полета – около 8 миль, точность поражения цели – 9 метров. Всего авиацией США было применено 7114 авиабомб этого типа.

Другими типами высокоточного авиационного оружия, применявшегося в Ираке, были 88 кассетных противотанковых бомб CBU-105. Эта бомба представляет собой контейнер с 10 бомбами BLU-108/B, в каждой из которых содержится по 4 противотанковых инфракрасных элемента-боеприпаса индивидуального наведения размером с хоккейную шайбу. После раскрытия контейнера 10 бомб BLU-108/B опускаются вниз на парашютах. В районе цели на заданной высоте каждая из бомб взрывается и из нее вылетают 4 противотанковых элемента, инфракрасные датчики которых мгновенно «схватывают» цель и устремляются к ней. Если в течение определенного времени инфракрасный датчик не «поймал» цель,

¹⁴ Cordesman, A. The “Instant Lessons” of the Iraq War: Executive Summary. Center for Strategic and International Studies. 2003, May 14.

противотанковый элемент самоликвидируется, поражая технику и живую силу противника.

В качестве высокоточных систем поражения в войне в Ираке в 2003 году американцами использовались также 562 ракеты AGM-114 Hellfire и 918 ракет AGM-65 Maverick, предназначенные для борьбы с бронеобъектами на поле боя, а также для разрушения укрепленных объектов в городской местности.

Как утверждает А. Кордесман, «высокоточное оружие вовсе не является решением каждой конкретной проблемы». В период военных действий в Ираке в 2003 году 32% использованных вооруженными силами США боеприпасов были неуправляемыми. Американская авиация сбросила 9251 обычную неуправляемую бомбу. В качестве наиболее распространенных неуправляемых систем авиационного оружия применялись 118 кассетных бомб CBU-87 и 182 кассетных бомбы CBU-99, обычные авиабомбы M-117, Mark-82, -83, -84 и авиационные пушки калибров 20-мм и 30-мм.

Достижение полного технического превосходства над противником и, в частности, полного авиационного превосходства над ним – важнейшее предварительное условие успеха «операций по достижению эффективности». В последней войне в Ираке ВВС Ирака не совершили ни одного боевого вылета. Группировка сил авиации США и их союзников накануне войны составляла 1000 самолетов, а в наиболее напряженные дни конфликта эта группировка возросла до 1663 самолетов. Всего авиация США и их союзников совершила 41404 самолето-вылета, из которых 93% составили вылеты американской авиации. Только авиация США совершила 505 самолето-вылетов бомбардировочной авиации и 18190 – истребительной авиации. Всего силами союзной авиации было применено 19948 высокоточных боеприпасов и 9251 – неуправляемых боеприпасов.

Таким образом, по мнению профессора А. Кордесмана, именно технологический фактор сыграл решающую роль в успешном осуществлении «операций по достижению эффективности» и в достижении военного успеха всей военной кампании США и их союзников в Ираке весной 2003 года.

Теория «операций по достижению эффективности»

Не все военные специалисты в современных США подходят к анализу «операций по достижению эффективности» именно с позиций технологического превосходства. В серьезном исследовании, подготовленном для министерства обороны США в 2002 году и называвшемся «Операции по достижению эффективности: применение сетцентрической войны в условиях мира, кризиса и войны» Эдвард Смит сосредоточил свое внимание на теоретических моментах и сущности

«операций по достижению эффективности» и на рассмотрении самого понятия «эффективность»¹⁵.

Прежде всего, Э. Смит констатирует, что «операции по достижению эффективности» нацелены не столько на физическое поражение и уничтожение целей и нанесение материального ущерба, сколько на сам процесс действия, на изменение поведения противника, на моральную сферу конфликта. Само по себе понятие «операция по достижению эффективности» не является чем-то новым для военной теории и практики. Издавна талантливые военачальники и государственные деятели обращали внимание именно на моральные и психологические аспекты конфликта/войны, оценивали «человеческое измерение войны».

Углубляясь в сущность «операций по достижению эффективности», Э. Смит отмечает, что они представляют собой операции, ведущиеся в когнитивной (рационально-ментальной) сфере конфликта¹⁶. Другими словами, они воздействуют на процессы осмысления и оценки обстановки, выработки и принятия решений. Задача состоит в том, чтобы «проникнуть внутрь петли OODA» противника и заблокировать ее изнутри¹⁷. Способность проникать внутрь процесса выработки и принятия решения противника дает уникальную возможность предвидеть возможные действия или реакции противника и предотвратить их еще до того, как противник начнет претворять их в жизнь.

Целью «операций по достижению эффективности» является подрыв воли противника, соответствующее воздействие на его поведение таким образом, что он теряет желание продолжать борьбу, дезориентация его таким образом, что он оказывается не способным продолжать борьбу или реагировать адекватно. И хотя физическое уничтожение остается важным фактором «операций по достижению эффективности», именно акцент на психологических (когнитивных) последствиях-эффектах лежит в основе концепций операций этого типа.

В ходе «операций по достижению эффективности» оказывается воздействие на формирование поведения не только противника, но и дружественных и нейтральных стран. Любые союзы и коалиции создаются на основе определенного психологического единства, которое требуется создавать и развивать. Как считает Э. Смит, необходимо не только сосредоточиваться на разгроме противника, но и «учитывать необходимость поддержки союзников, убеждения нейтральных стран, равно как и сдерживания потенциальных противников от прямого вмешательства».

Э. Смит дает свое определение рассматриваемому им явлению: «Операции по достижению эффективности» представляют собой скоординированную цепь действий, направленных на формирование

¹⁵ Smith, E.A. Effects Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. 2002, November.

¹⁶ Американские авторы выделяют три сферы конфликта: физическую, информационную и когнитивную.

¹⁷ «Петля OODA» Дж. Бойда – модель поведения/действия в любой ситуации, в частности, в ходе кризиса или войны. Расшифровка аббревиатуры: O – observe (наблюдай); O – orient (ориентируйся); D – decide (решай); A – act (действуй).

поведения своей стороны, противника и нейтральных сторон в условиях мира, кризиса и войны».

В понятие «действия» включаются любые аспекты военной и национальной мощи, которые «формируют решимость» своих сил, противника и нейтральных сторон. Действия, естественно, не обязательно могут быть военными, они могут быть политическими, дипломатическими или экономическими, действиями правительственных структур и негосударственных организаций, в том числе и международных.

Результатами действий являются последствия или определенные эффекты. Причем эти последствия-эффекты отражаются не только на противнике, но и на всех остальных сторонах конфликта. Последствия-эффекты могут проявляться на всех уровнях от тактического до стратегического и геополитического, как в военной сфере, так и в политической, экономической и других областях. По своей природе последствия-эффекты могут быть физическими и психологическими.

Последствия-эффекты имеют свойства аккумулироваться, причем прямые эффекты вызывают в том числе и косвенные физические и психологические последствия, которые зачастую невозможно предсказать и предугадать. Физические последствия-эффекты развиваются по принципу домино, в то время как психологические – разрастаются взрывообразно, мгновенно.

Э. Смит в своем теоретическом труде выделяет две группы последствий-эффектов: преимущественно физические по своей сути и преимущественно психологические. Физические последствия-эффекты влияют на поведение противника в результате воздействия на физические средства, силы, возможности противника вести войну или предпринимать какие-либо действия. Психологические последствия-эффекты влияют на поведение противника в результате воздействия на его когнитивные процессы и волю.

Физические последствия-эффекты включают в себя уничтожение, физическое истощение сил и возможностей противника и приведение его в состояние полной неразберихи и неспособности действовать адекватно – хаоса. Психологические последствия-эффекты охватывают рациональную сферу, прежде всего принятия решений, и сферу эмоционального воздействия на процессы принятия решений и систему ценностей и убеждений противника. Психологические последствия-эффекты также включают в себя хаос (накладываясь на физические последствия—эффекты), однако главными из них являются другие: предрешенность, шок и психологическое истощение.

Физические последствия-эффекты	Психологические последствия-эффекты
Уничтожение	Хаос/ Энтропия
Физическое истощение	Предрешенность: <ul style="list-style-type: none"> ● пассивная ● активная
Хаос/ Энтропия	

	Шок
	Психологическое истощение

Уничтожение физических возможностей противника предпринять что-либо является серьезным последствием-эффектом. Важность этого заключается не только в огромном психологическом воздействии, но и в непосредственном физическом уничтожении живой силы противника. Если физически уничтожить противника или коренным образом лишить его физических возможностей вести войну, то и его возможности сопротивляться окажутся нулевыми, независимо даже от его воли к сопротивлению.

Значение этого последствия-эффекта особенно ярко проявляется на тактическом уровне ведения военных действий, когда нет ни времени, ни возможностей «отслеживать» психологическое состояние противника и его поведение, а непосредственное уничтожение противника составляет суть военных действий. Уничтоженная часть или подразделение противника больше не будет представлять угрозы своим войскам, поэтому чем больше противника уничтожено, тем лучше.

Уничтожение противника подразумевает не только физическое устранение живой силы, но и лишение его определенных возможностей и способностей. Уничтожение той или иной части физических возможностей противника в определенном смысле предreshает его поведение, ограничивая в выборе оставшихся в его распоряжении возможностей и ресурсов. Это, в свою очередь, может вызвать иные последствия-эффекты, заставить противника отказаться от намеченного курса действий. Противник может впасть в шок, его воля к сопротивлению может рухнуть. Таким образом, последствие-эффект в форме уничтожения может породить другие физические и психологические последствия-эффекты.

Физическое истощение тесно взаимосвязано с физическим уничтожением противника. На тактическом уровне, в отдельном бою или операции возможно уничтожить противника полностью, однако на оперативном и стратегическом уровнях этого достичь в результате одной акции невозможно. Требуется проведение целой военной кампании, серии кампаний или операций. На этих более высоких уровнях главные усилия сосредоточиваются не на физическом уничтожении живой силы противника, а на постепенном лишении противника возможностей продолжать военные действия. Физического истощения невозможно достичь в течение короткого времени. Теряя способности и возможности вести военные действия, противник постепенно осознает свое положение. Соответственно он или перестраивается, приспособляясь к новым условиям и продолжая сопротивление, или психологически капитулирует. Физическое истощение вызывает другие последствия-эффекты, прежде всего психологические.

Хаос в отличие от уничтожения и физического истощения является по своей природе одновременно и физическим и психологическим последствием-эффектом. Сущность концепции хаоса заключается в приведении противника в такое состояние, когда он оказывается не в

состоянии адекватно реагировать и контролировать свои собственные наличные силы или когда его силы находятся в состоянии полнейшего расстройств. Это состояние по своим последствиям равносильно уничтожению физических возможностей и способностей противника.

Неразбериха в умах руководства противника означает, что они не способны эффективно управлять своими войсками и руководить военными действиями. Чем выше степень расстройства и дезорганизации, привнесенных в процесс принятия противником решений, тем менее способным он становится к эффективному и действенному использованию своих возможностей.

Эффект хаоса вызывает и другие последствия как физического, так и психологического характера, такие как дезориентацию, беспорядок, страх. В то же время, хаос в отличие от двух других последствий-эффектов физического плана характеризуется непостоянством. Противник может выйти из этого состояния при наличии соответствующих ресурсов и твердой воли.

Предрешенность представляет собой психологическое последствие-эффект в форме предотвращения или недопущения каких-либо действий со стороны противника. Это достигается, например, уничтожением физических возможностей противника вести военные действия или просто угрозой уничтожения возможностей противника в случае проведения им определенных действий. В связи с этим Э. Смит выделяет два типа этих последствий-эффектов:

- **Активное предрешение** – использование вооруженных сил или угроза применения силы для блокирования намеченного реальным или потенциальным противником курса действий.
- **Пассивное предрешение** – поддержание такого баланса сил, который обеспечивает стабильность в данном регионе мира. Баланс сил должен быть настолько невыгоден потенциальному противнику, что этого должно быть достаточно для недопущения каких-либо провокационных, агрессивных акций с его стороны. Этой концепции соответствует принцип «передового базирования» вооруженных сил США. Как подчеркивает Э. Смит, 6-й флот ВМС США достаточно успешно выполнял эту роль в годы холодной войны.

Как и состояние хаоса, предрешенность не является постоянным фактором. Предрешенность как последствие-эффект действует до тех пор, пока противник осознает, что риск проведения им агрессивных действий значительно превосходит возможные дивиденды.

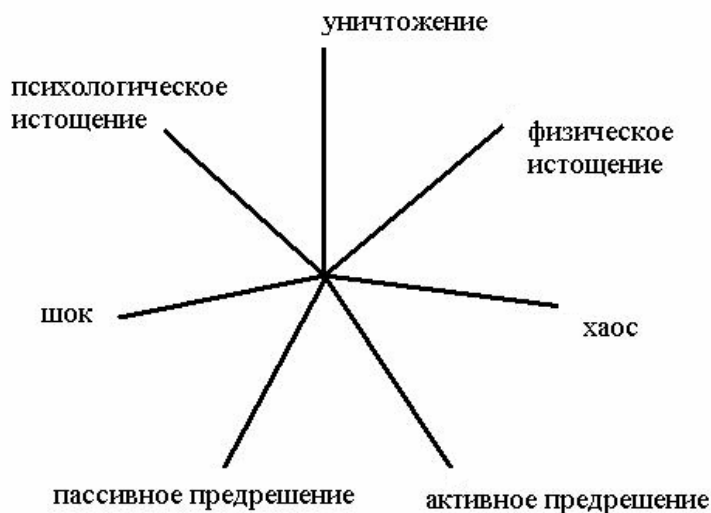
Шок в отличие от предрешенности лежит не в рациональной сфере, а в области эмоций. Его суть состоит во внезапном крахе убежденности противника в его способности достичь желаемого исхода в какой-либо ситуации. Он сопровождается состоянием отчаяния, смиренности неизбежной судьбе. На тактическом поле боя он вызывает крах морального состояния солдат и панику. На стратегическом уровне шок приводит к параличу руководства противника, его отказу от активных действий.

История знает немало примеров того, как шок способен парализовать целые страны. Э. Смит в подтверждение этого тезиса приводит падение Франции под ударом Гитлера. Однако в военной истории есть немало примеров того, как войска продолжали отчаянно сражаться даже в безвыходной ситуации. Моральный дух, профессионализм, боевая подготовка и множество других факторов способны нейтрализовать воздействие шока, как на тактическом, так и на более высоких уровнях.

Психологическое истощение является результатом постепенного подрыва воли противника, в отличие от быстротечного шока. Жертва психологического истощения постепенно осознает, что она ничего не может предпринять в данной ситуации и соглашается изменить свое поведение в таком направлении, о котором раньше не могло быть и речи. Типичным проявлением этого последствие-эффекта выступает ситуация в США в годы войны во Вьетнаме с 1968 по 1975 гг. Нараставшая убежденность в американском обществе в том, что все принимаемые Вашингтоном меры напрасны, привела к необходимости изменения курса действий. Именно этот эффект широко применяется более слабой стороной в любом асимметричном конфликте.

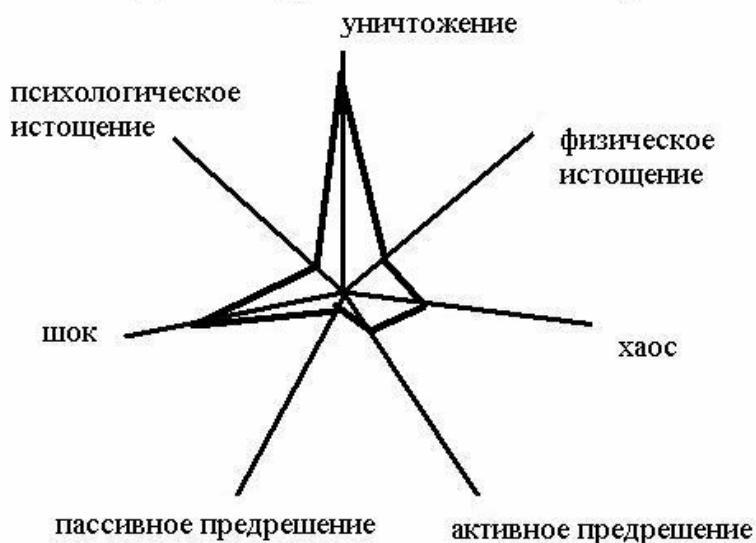
Эдвард Смит изобразил вышеупомянутые последствия-эффекты графически в виде векторов, что позволяет подойти к анализу «операций по достижению эффективности» на различных уровнях: тактическом, оперативном, стратегическом и геополитическом.

Векторы воздействия семи последствий-эффектов



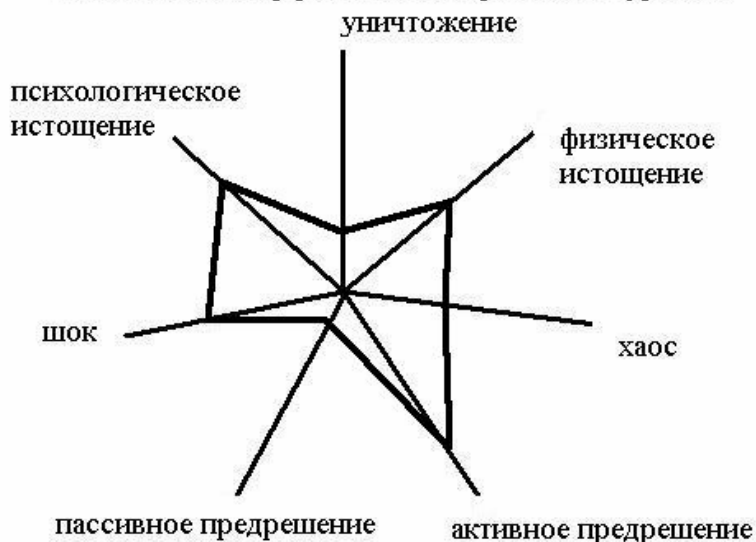
В зависимости от уровня конфликта воздействие различных факторов неоднозначно. Так, на тактическом уровне воздействие на противника достигается главным образом путем его физического уничтожения, а также в результате приведения его в состояние шока,

Последствия-эффекты на тактическом уровне



На оперативном уровне диаграмма воздействия семи факторов последствий-эффектов представляется Э. Смитом несколько по-иному. Вместо акцентирования усилий на физическом уничтожении противника больше внимания уделяется принятию мер по недопущению определенных акций со стороны противника, а также по его физическому и психологическому истощению. На этом уровне сохраняется также важность мер по приведению противника в состояние шока и общего расстройства.

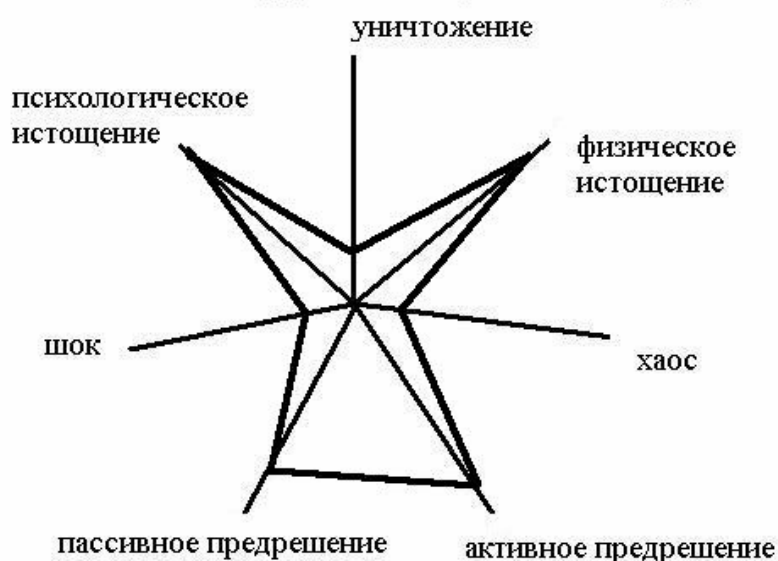
Последствия-эффекты на оперативном уровне



На военно-стратегическом уровне, как отмечает Э. Смит, главные усилия должны быть сосредоточены на более долговременных факторах воздействия – на физическом и психологическом истощении, а также на активном и пассивном предрешении исхода конфликта. На этом уровне главное командование озабочено не столько прямым уничтожением

противника, сколько недопущением конфликта и, соответственно, стремлением избежать необходимости принятия активных мер по уничтожению противника.

Последствия-эффекты на стратегическом уровне



Как отмечает автор теории воздействия последствий-эффектов Эдвард Смит, все три модели действуют одновременно на всех трех уровнях. Важность тех или иных характеристик может варьировать в зависимости от особенностей конкретной обстановки, этапа кризиса или конфликта, возможностей противника, своих возможностей и целого ряда других факторов.

Военные операции на границе сферы хаоса

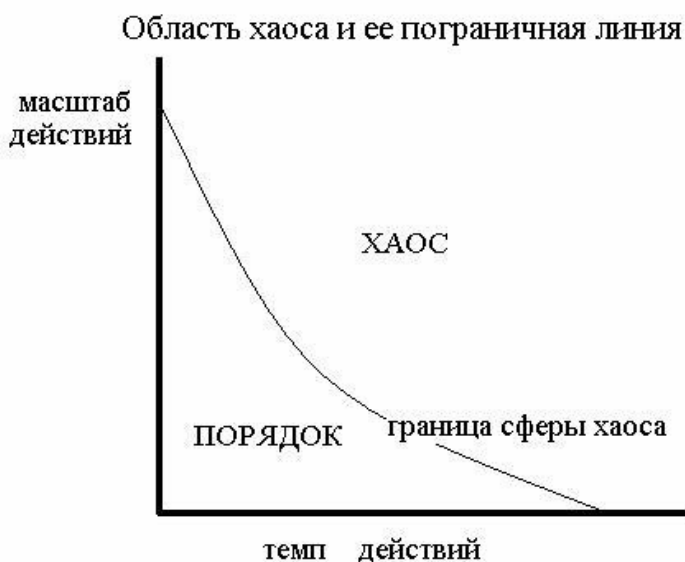
Война всегда характеризовалась состоянием хаоса, в той или иной мере неизменно присутствовавшего на поле боя и в стратегическом тылу. От того, насколько та или иная сторона в конфликте сможет воспользоваться плодами хаоса в своих целях, как пишет Эдвард Смит, будет зависеть исход военных столкновений будущего¹⁸.

Между понятиями хаоса в физике и в военной сфере есть определенное сходство. Разделительная (пограничная) линия между хаосом и порядком в физических системах играет важнейшую роль: небольшие изменения могут повлечь за собой серьезные последствия или даже крах всей системы. Аналогично этому даже частные решения в сфере национальной безопасности или военной стратегии могут повлечь за собой коренные изменения в ходе и исходе военной операции или целой кампании.

Пограничная линия хаоса, по мнению Э. Смита, определяется интенсивностью военных действий, то есть темпом и масштабом действий.

¹⁸ Smith, E.A. Effects Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. 2002, November.

Чем выше темп операций, тем труднее их контролировать, тем выше степень хаоса. Соответственно, чем больше масштаб операций (географический размах, состав используемых сил и средств), тем труднее ими управлять. Как пишет Э. Смит, на определенной стадии темпа действий и определенном уровне масштаба действий наступает такое состояние, когда становится просто невозможным управлять операциями и координировать их. Другими словами появляются две переходные точки от состояния порядка к хаосу. Соединив эти две точки, Э. Смит получил пограничную линию между порядком и хаосом в военной сфере.



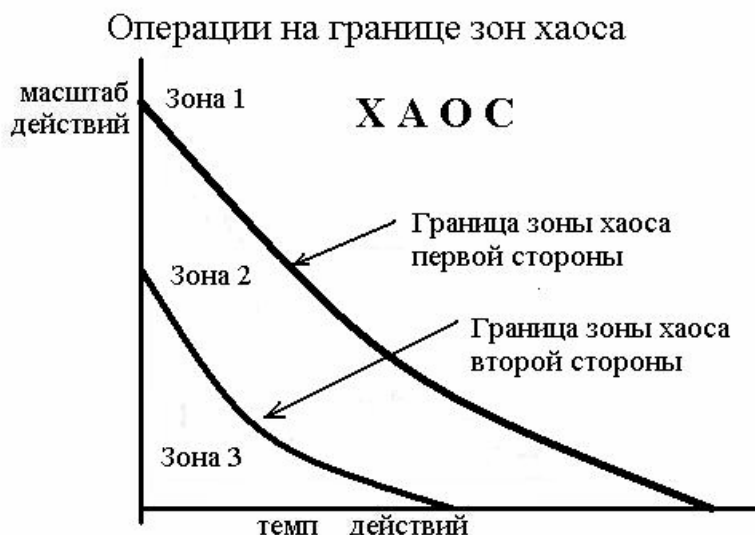
В сфере хаоса находятся операции столь быстротечные и столь крупномасштабные, что не представляется возможности их эффективно контролировать и проводить. В зоне порядка лежат операции, которые можно организованно планировать и эффективно осуществлять.

Граница хаоса не представляет собой постоянную, раз и навсегда фиксированную линию. Эта линия аморфна и подвижна. Более высокий уровень боевой подготовки, адекватная организационно-штатная структура войск, соответствующее техническое оснащение могут позволить проводить успешные операции на более высоком уровне – более скоротечные и широкомасштабные. В то же время, если противник не обладает вышеперечисленными преимуществами, то навязанный ему темп и масштаб операций повергает его в состояние хаоса.

Отсюда следует один принципиально важный вывод: каждая часть, каждое соединение и объединение отличается от других себе подобных и равноценных формирований по оснащению, вооружению, степени боевой готовности и уровню подготовки личного состава, а значит и граница между состоянием порядка и хаоса при проведении операций/боевых действий будет у них всех различной.

Части, соединения и объединения противника также имеют свою границу между состоянием порядка и хаоса, которая, как отмечает Э. Смит, тем более не совпадает с параметрами американских вооруженных сил.

Если наложить на единый график границу сфер хаоса своих сил и противника, то можно ожидать появления соответственно двух разных границ хаоса, в результате чего вместо двух сфер – порядка и хаоса – появляется промежуточная третья – сфера асимметричности.



На представленной диаграмме Зона 1 является зоной полного хаоса. Ни одна из сторон не имеет возможности управлять ситуацией, контролировать ход и исход военных действий. Зона 2 характеризует собой своеобразное асимметричное состояние, когда одна сторона (лучше вооруженная, подготовленная, обученная) будет действовать в сфере порядка, в то время как другая сторона (хуже и слабее вооруженная, подготовленная, обученная) будет находиться в состоянии хаоса.

Зона 2 – сфера порядка, в которой обе стороны успешно справляются с темпом и масштабом проводимых ими операций.

Таким образом, военные действия в зоне 1 (хаоса) не выгодно вести обеим сторонам: они не смогут организованно их планировать и эффективно претворять в жизнь намеченный курс действий. Ни та, ни другая сторона не получит каких-либо видимых преимуществ от действий в зоне 3 (порядка), так как противник будет в состоянии принять соответствующие эффективные контрмеры.

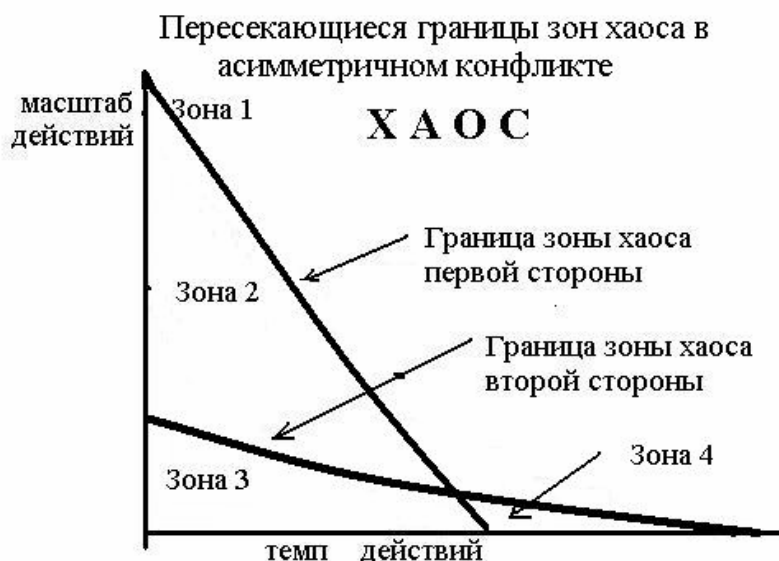
В то же время пограничная сфера – зона 2 – создает условия для одной из сторон максимально использовать преимущества действий в состоянии порядка, в то время как противник находится в полном или частичном хаосе.

Вышеописанная модель военных операций в зоне 2 – между двумя границами сфер хаоса – характерна для симметричного конфликта, когда стороны ведут военные действия «по правилам», используя свои регулярные вооруженные силы. Исход военного столкновения в таком симметричном конфликте во многом будет определяться способностью сторон максимально «отодвинуть» свою границу зоны хаоса, чтобы воспользоваться

преимуществами над противником, которому навязываются действия в его сфере хаоса.

Ситуация меняется в случае асимметричного конфликта. Типичный пример с партизанской войной свидетельствует, что крупная группировка регулярных вооруженных сил способна проводить операции самого широкого масштаба, как в смысле географического размаха, так и в смысле применяемых сил и средств. Однако партизанские силы могут иметь преимущества в темпе проведения ограниченных по масштабам и целям операций.

В результате пограничные линии зон хаоса двух сторон могут пересекаться, создавая не одну, а две неустойчивые зоны.



В асимметричном конфликте, таким образом, помимо зоны 2, в которой одна из сторон имеет преимущество над противником, появляется еще зона 4, в которой преимущества оказываются на стороне противной стороны.

На практическом уровне эта зона 4 объясняет, почему не всегда побеждает более сильная, сторона, даже обладающая полным техническим превосходством. Если более слабый противник прибегнет к асимметричному ответу, например, откажется от жесткого централизованного управления войсками в целях достижения большей скорости/скоротечности или даже масштаба проводимых им операций, то у него есть шансы победить. Возникающая асимметричная зона 4 дает шанс на победу в определенных условиях децентрализованным малым силам даже над самыми современными вооруженными силами.

Партизаны прибегают в своей тактике именно к этому приему: силы повстанцев или партизан дробятся на столь мелкие подразделения, небольшие боевые группы, что бороться с ними регулярным войскам в рамках «нормальной» организационно-штатной структуры частей и подразделений становится просто неэффективным и невозможным. Партизанские группы проводят многочисленные мгновенные рейды против

регулярных войск, на которые последние просто не успевают адекватно отреагировать. При этом важен не столько физический ущерб, наносимый партизанами, сколько психологический эффект их действий, непосредственно отражающийся на моральном состоянии регулярных войск. Именно с такой ситуацией столкнулись в свое время американские войска во Вьетнаме.

В концептуальном плане, как считает Э. Смит, успех борьбы в асимметричном конфликте непосредственно зависит от того, насколько успешно будут заблокированы «лазейки» для перехода противника в зону 4. Осознание этого делает крайне актуальной задачу совершенствования готовности и способности своих войск и сил к проведению быстротечных, широкомасштабных операций на различных ТВД против различного противника. Преимущества в скорости и, прежде всего в быстроте и эффективности управления, тесно связаны с понятиями информационного превосходства, что в свою очередь увязывает их с принципами сетецентрической войны.

Абсолютное информационное превосходство над противником, будь то партизаны или террористы, дает огромные преимущества над ним. Мелкие группы партизан или террористов могут быть нейтрализованы только небольшими, самосинхронизирующимися, децентрализованными, полусамостоятельными подразделениями-ячейками, объединенными в единую сеть.

Другими словами, необходимо максимально дальше отодвигать границу сферы хаоса на выше приведенной диаграмме, как по оси масштаба действий, так и по оси темпа действий. Сетецентрические вооруженные силы должны обыграть противника – партизан или террористов – как по темпам своих операций, так и по масштабам действий. Как отмечает Эдвард Смит, сетецентрические вооруженные силы должны выступать в форме «военного варианта саморегулирующихся сложных приспособляющихся систем», способных при необходимости к быстрой концентрации и действию массировано.

«Средства и воля» сторон в конфликтах

Война на истощение являлась основной формой войн индустриальной эпохи. Именно такими были величайшие войны в истории человечества – и первая, и вторая мировые войны. Война на истощение по своей сути направлена на физическое уничтожение противника – его населения, экономики, вооруженных сил. Однако, по мнению некоторых американских исследователей, даже в этих самых страшных войнах на истощение ключевым детерминантом победы было все же не физическое уничтожение, а подрыв воли противника к сопротивлению¹⁹. Само физическое уничтожение

¹⁹ Smith, E.A. Effect-Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. 2002, November.

рассматривались сторонами, прежде всего, как средство для наиболее эффективного подрыва воли противника к ведению войны. Не случайно, поэтому, стороны в войнах прошлого всегда стремились к скорейшему окончанию войны и провозглашению этого акта в форме «полной и безоговорочной капитуляции».

В войнах прошлого, как отмечает в своем фундаментальном исследовании Эдвард Смит, для победы необходимо было преодолеть способность противника продолжать конфликт наличными физическими средствами и подавить психологическую готовность (волю) противника сделать это. Целью войны на истощение становилось не столько простое уничтожение противника, сколько «ослабление его физических возможностей до определенного критического уровня, на котором воля противника продолжать сопротивление рушилась, и он капитулировал».

Таким образом, делает вывод Э. Смит, победа всегда была и остается «результатом взаимодействия средств и воли», то есть имеющихся в распоряжении сторон физических возможностей (количественных и качественных характеристик вооруженных сил, демографического фактора, экономических возможностей государства и т.д.) и психологических факторов (морально-психологического состояния вооруженных сил и населения, национального духа, воли к победе и т.д.). Чем выше уровень конфликта, тем более явным становится такая взаимосвязь, тем более важную роль играют психологические факторы.

В принципе, подход Эдварда Смита вряд ли можно назвать новым или оригинальным. Военная наука выделяет материальные и моральные факторы достижения победы, которые в определенном смысле и укладываются в понятия «средств» и «воли». О важности моральных факторов в войне говорил, в частности, Клаузевиц. В США традиционно преувеличивались материальные факторы ведения войны (техника и технология) и недооценивалось значение моральных факторов. Э. Смит считает, что даже для США с их огромными ресурсами и передовым уровнем развития техники и технологий недооценивать значение «воли», то есть моральных факторов, – абсолютно недопустимо и опасно.

Соотношение категорий «средств и воли» в конфликте нельзя представлять в линейном виде. В соответствии с теоретическими взглядами на войну как на столкновение двух сложных приспособляющихся систем, исход конфликта зависит от множества факторов. Сложные приспособляющиеся системы «подстраиваются» под внешнюю среду, адаптируются к ней, осваивают ее, поэтому полностью предсказать поведение сложных приспособляющихся систем никогда нельзя. История войн подтверждает правоту этого утверждения. Отсюда так трудно бывает предсказать, когда, почему и каким образом воля противника к сопротивлению окончательно рухнет.

Соотношение факторов «средств и воли» в конфликте может быть различным, в связи с чем выделяются конфликты симметричные и асимметричные.

Классическими симметричными конфликтами Э. Смит называет гражданскую войну в США и обе мировые войны XX столетия. Нации-государства ведут войну против других наций-государств или коалиций наций-государств. Стороны объявляли войну друг другу, стремились к соблюдению определенных норм ведения войны и преследовали противную сторону за нарушения этих норм после победы. Сухопутные войска воевали с сухопутными войсками, флоты – с флотами. Благодаря этой симметрии, как считают американские эксперты, было возможно измерять операции и военные кампании в категориях используемых сил и средств, понесенных потерь. Обе стороны в войне имели в своем распоряжении огромные «средства» и огромную «волю», потому то и война на истощение была длительной и тяжелой. В симметричных войнах могли участвовать и побеждать только большие страны, имеющие огромные ресурсы, способные длительно выдерживать тяготы войны.

Ситуация меняется в асимметричных конфликтах. Теоретические подходы к понятию асимметричных войн и конфликтов отличаются большим многообразием. В представлении некоторых специалистов, асимметрия означает различия в военных силах, вооружении, подготовке или организационно-штатной структуре войск, которые могут быть использованы. Эдвард Смит подходит к понятию асимметрии через призму своего подхода к соотношению «средств и воли». «Поистине настоящая асимметрия, - пишет он, - может лежать в сфере различий в воле и средствах оппонентов, потому что именно эти различия как раз и формируют саму механику конфликта».

В соответствии с этим подходом, возникает четыре типа «игроков» в асимметричном конфликте:

Асимметрия средств и воли в конфликте

<p>Большие средства Большая воля</p>	<p>Большие средства Малая воля</p>
<p>Малые средства Большая воля</p>	<p>Малые силы Малая воля</p>

В конфликте одной стороны, имеющей «большие средства» и «большую волю» и другой стороны, «средства и воля» которой малые, победа будет за первой. Если у второй стороны и «средства», и «воля» слабы – победа будет быстрой; если малы только «средства» или только «воля» - победа первой стороны будет не такой быстрой, но неизбежной.

Сложнее будет обстоять дело с конфликтом, в котором одна из сторон имеет большие «средства», но малую «волю», а другая сторона – малые «средства», но большую «волю». Результат такого конфликта вряд ли будет быстрым и однозначным. Война будет представлять собой затяжные операции, напоминающие операции симметричной войны на истощение, даже несмотря на то, что эти операции будут в корне отличаться от классических военных операций. Каждая из сторон будет иметь преимущества над противником, однако эти преимущества будут совершенно различными по своей природе. Отсюда и сами стороны, и их стратегия будут абсолютно асимметричными. Стороны будут стремиться максимально использовать свои сильные стороны и максимально эффективно использовать слабости противника. Это означает, что сторона с наибольшими «средствами» будет стремиться уничтожать и без того ограниченные физические «средства» противника, то есть вести дело к классической войне на истощение. Другая сторона имеет преимущества в «воле», поэтому она будет стремиться к воздействию на поведение противника и его психологическую готовность продолжать войну.

Именно эта модель конфликта двух сторон, одна из которых имеет огромные «средства», но малую «волю», а вторая – малые «средства», но огромную «волю», являлась наиболее типичной и распространенной в годы холодной войны и продолжает быть таковой в нынешнюю эпоху. Асимметричными в этом толковании конфликтами были американская война во Вьетнаме и советская война в Афганистане. Если принять в качестве субъекта-носителя огромной «воли» и малых «средств» не государство-нацию, а другого «игрока» - партизанское формирование, этническое или религиозное движение, международную террористическую сеть Аль-Каеда, то все становится на свои места.

Анализ показывает, что для достижения победы вовсе не обязательно быть заведомо сильнее в «средствах и воле»: достаточно просто иметь достаточно «воли», чтобы преодолеть неравенство в «средствах» с противником. Другими словами, делает вывод Э. Смит, «чем более решительным (фанатичным или отчаянным) является противник, тем менее зависимым от «средств» он будет».

Результатом анализа Э. Смита стала формула вероятности победы в асимметричном конфликте:

$$\text{Вероятность победы} = (\text{«Средства»}) \times (\text{«Воля»})^2$$

Таким образом, фактор физических средств для ведения войны изменяется в арифметической прогрессии, в то время как фактор психологического духа изменяется в геометрической прогрессии. Чем сильнее в морально-психологическом отношении противник, тем меньше материальных средств ему нужно для победы. Естественно, если «средства»

вообще равны нулю, то независимо от психологического настроения победа невозможна.

В то же время, если «воля» слабой в физическом отношении стороны поставлена в контекст стратегии, заключающейся в нанесении ущерба или подрыве общественного мнения, а не в достижении военной победы, то этой воли может оказаться достаточной для победы.

Именно в таком ключе складывается, в частности, ситуация с борьбой с международным терроризмом. «Воля» террористов должна быть достаточно большой, чтобы сбалансировать огромные материальные ресурсы их противников. Естественно, террористы и не помышляют сравняться в «средствах» с возможностями большой индустриальной державы, но они убеждены в превосходстве своей «воли». В случае террористической атаки 11 сентября 2001 года против США террористическая сеть Аль-Каеда огромный разрыв в средствах компенсировала огромной «волей», в результате чего обычный гражданский авиалайнер превратился в гигантскую управляемую ракету. Готовность террористов идти на смерть и свершать теракты независимо от последствий – многократно повышают эффективность воздействия даже тех ограниченных материальных средств, которые находятся в их распоряжении.

Несмотря на резкую актуализацию асимметричного конфликта в современную эпоху, симметричные войны и конфликты не ушли в прошлое. Они дополняют друг друга. По мнению Э. Смита, и в будущем возможно ожидать симметричный конфликт между двумя «равными соперниками», который во многом будет напоминать классические войны на истощение прошлого. Чем больше будет симметрии в «средствах и воле» обоих противников, тем более столкновение между ними будет походить на войну на истощение. И, соответственно, чем меньше будет симметрии, тем более столкновение будет иметь форму «войны на достижение эффективности». Отличия между этими двумя моделями носят принципиальный характер.

Нацеленность: на «средства»	Нацеленность: на «волю»/поведение
<p>Война на истощение:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Акцент на «целях», «быстроте и решительности» • Военные цели • Количественные характеристики результата <p>Непрямая атака на «волю» Война/боевые действия</p> <p>Стратегия сдерживания:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Ответный удар возмездия • Упреждающий удар 	<p>Война на достижение эффективности:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Акцент на «действиях», длительный конфликт низкой интенсивности • Политические цели • Нелинейные результаты <p>Прямая атака на «волю» Мир, кризис, война</p> <p>Стратегия сдерживания:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Недопустимый ущерб

Для симметричного конфликта нацеленность на «средства» является абсолютно типичной. Конфликт приобретает форму войны на истощение, в ходе которой ударам подвергаются физические (материальные) цели и объекты для достижения конкретных, как правило военных, целей, причем результаты конфликта вполне можно определить в количественных характеристиках. Это, естественно, не означает, что результат симметричного конфликта состоит только в истощении противника, когда все силы сосредоточиваются лишь на уничтожении вооруженных сил и возможностей противника. Вполне возможно проведение также и психологических атак, то есть «операций на достижение эффективности», однако такие действия будут исключительно второстепенными, обеспечивающими, а не основными.

Вместе с тем, симметричный конфликт в форме войны на истощение требует определенного состояния враждебности в отношениях между оппонентами. Он возможен только в состоянии войны, ибо сам является войной. Если же противнику удастся, например, не допустить развития взаимоотношений с США до состояния враждебности, то у США не будет моральных оснований прибегнуть к войне на истощение. В этом случае противнику удастся нейтрализовать угрозу войны на истощение.

В отличие от стратегии на истощение, стратегия на достижение эффективности достаточно скрытная. Она представляет собой прямое воздействие (атаку) на «волю» противника, а не на уничтожение его материальных возможностей ведения войны. В такой войне особую роль приобретают средства массовой информации и сама информация. Так как целью стратегии на достижение эффективности является изменение поведения людей, ее результаты не столь впечатляющи и очевидны, как то имеет место в случае войны на истощение. Воздействие на «волю» противника продолжается до тех пор, пока он не капитулирует морально. Так как воздействие на «волю» не обязательно предполагает физическое уничтожение, «операции по достижению эффективности» не обязательно должны быть привязаны к военным операциям. Более того, они могут проводиться во всем спектре конфликтов - от состояния мира до кризиса и вплоть до состояния войны.

В целом, как показывает анализ многочисленных исследований и статей американских военных авторов, тезис о превалировании морально-психологического фактора над физическим уничтожением противника в современной войне становится все более распространенным. Война, даже в ее традиционной форме, видится военным экспертам уже не только и не столько военным столкновением на поле боя, сколько сложным информационно-технологическим, когнитивно-психологическим явлением виртуально-реальным явлением.